

с рабочими обязанностями, были запрещены, многочисленные любовные романы расцветали после освобождения, и около 4000 остарбайтеров выехали в дальнейшем в Бельгию, где вышли замуж и поселились в родных городах и селах своих мужей².

Как выглядит исследование проблемы остарбайтеров?

• Устная история.

На протяжении последнего десятилетия исследователи (военной) памяти в Советском Союзе, а также исследователи гендера интенсивно использовали методы устной истории. Устные истории считают анализ устных рассказов отдельных людей достаточным для того, чтобы изучать социальные группы. Например, они подчеркивают маргинализацию женской военной памяти в пространстве публичной военной памяти, что вызвало к жизни исследования, вдохновленные феминизмом второй волны и основанные на интервью с женщинами (и в меньшей мере с мужчинами) об их личных воспоминаниях о войне, которые в свою очередь сделали видимыми в публичном пространстве воспоминания, бывшие ранее приватными. В последние годы происходило взаимодействие между новыми результатами этих исследований и инициативами немецкого и австрийского государств и организаций гражданского общества по коммеморации истории советских принудительных рабочих, в том числе остарбайтеров. Таким образом, было воздвигнуто все больше монументов и мемориалов³. Эти тенденции повлияли на воспоминания советских принудительных рабочих, интегрируясь в публичную военную память по обе стороны «железного занавеса».

• Постановка проблемы: включенное наблюдение?

Во время как антропологи указывают на важность формирования группы, в которой люди, мыслящие подобным образом, преобразуют свои личные воспоминания в групповую память и в групповое взаимодействие для конкурентноспособности и приспособления этой групповой памяти, большинство исследователей памяти до сегодня не интересовались этим. Однако, Харальд Вельцер и его коллеги из Центра междисциплинарных исследований памяти в Эссене недавно обратили внимание на борьбу внутри семейной памяти. Они интервьюировали не только отдельных членов семей, но также и организовывали семейные дискуссии, благодаря которым стало возможным установить, кто из членов семьи руководит конструированием семейной памяти⁴.

Следуя за Вельцером и Ленц, я исследовала, как бывшие остарбайтерки объединяются в группы, то есть в организации иммигрантов, и как они конструируют нарративы о военной памяти внутри этих групп. Поэтому я приняла участие в представлениях (performances) группы иммигранток-остарбайтерок. Метод включенного наблюдения редко используется в исторической науке, потому что историки считают самоочевидным, что они занимаются именно прошлым. Однако, этот метод — обычное явление среди антропологов, которые считают, что работать с прошлым можно и через настоящее — через воспоминания, благодаря которым участие в групповой памяти может выявить практики представлений (performances), используемые в прошлом⁵.

Махтельд ВЕНКЕН

**ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ И/ИЛИ ИНТЕРВЬЮ?
СОБИРАНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ И/ИЛИ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ?
CASE-STUDY В БЕЛЬГИИ**

*Тем, кто не нашел слов для рассказа
о своем военном опыте*

Эта статья посвящена тому, как я собирала и анализировала нарративы о военной памяти бывших остарбайтеров в Бельгии для моей диссертации. Моя цель — понять, может ли используемый мной метод быть полезным для других исследований касательно остарбайтеров. Мой подход — это этнографические полевые исследования. Индуктивная полевая работа (inductive fieldwork), среди прочего, позволяет как проводить интервью, так и вести включенное наблюдение во время собраний. Комбинация двух подходов позволяет раскрыть то, какой военный опыт с большей легкостью вербально или невербально презентуется в группе, а к какому опыту легче прикоснуться во время интервью (вербально или невербально). После методологического вступления я представлю два примера, показывающих, как включенное наблюдение приобретает дополнительную ценность для исследования проблемы остарбайтеров.

Этот метод является интересным по нескольким причинам. Во-первых, исследование истории остарбайтеров до сегодня концентрировалось только на бывшем Советском Союзе и не касалось тех, кто выехал в третьи страны, как-то в Бельгию. Во-вторых, существующие исследования ориентировались на интервьюирование отдельных лиц, поскольку организаций бывших остарбайтеров в Советском Союзе не существовало¹. В Бельгии, однако, существовали формализованные организации иммигрантов-остарбайтеров. В-третьих, существующие исследования сосредоточены в основном на том, что люди говорили, а не на том, чего они не говорили.

Как остарбайтерки оказались в Бельгии?

Остарбайтерки — молодые советские женщины украинского, русского, или белорусского происхождения, которые после немецкого нападения на Советский Союз 22 июня 1941 г. были депортированы в нацистскую Германию для принудительных работ. Во время работы молодые женщины знакомились с депортированными с Западной Европы добровольными рабочими или военнопленными. Хотя любые контакты, кроме связанных

Мой метод

Моя диссертация содержит анализ 13 глубинных интервью с бывшими остарбайтерками. Для меня было сложно найти контакт с потенциальными респондентами, и даже когда мне удалось получить согласие на интервью, мои собеседники часто испытывали подозрительность, рассказывали неохотно или же не хотели рекомендовать мне своих приятельниц (бывших остарбайтерок) в качестве следующих респонденток. В результате я решила работать с помощью приближенных лиц (infiltrants), то есть друзей бывших остарбайтерок, которые могли представить меня или даже присутствовать на интервью. Один случай, когда эти приближенные люди задавали вопросы своим подругам в моем присутствии, открыл для меня возможность получить наиболее глубокие данные.

Мои отношения с бывшими остарбайтерками улучшились, когда я познакомилась с руководителем хора Союза советских граждан (Антверпен). Она представила меня на еженедельном собрании в этой организации иммигрантов, где я почувствовала, что вполне возможно преодолеть подозрение и молчание, которые доминировали в интервью, проводимых мной до того. Следующие полгода я регулярно участвовала в мероприятиях организации и 11 раз участвовала в репетициях хора. Во время этих собраний я также пела вместе с ними и записала их выступление на рождественской ярмарке в Антверпене. В конце я интервьюировала трех членов антверпенской организации по их просьбе.

«Маша наша»

В организации иммигрантов, которую я часто посещала, я стала известна как «девушка», которая говорит на «нашем языке» и любит музыку. Слова «исследователь» и «университет» не упоминались. Даже мое имя должно было измениться. «Махтельд» звучит слишком по-фламандски, трудно произносится и также мало вписывается в контекст собраний, которые в основном велись на русском и украинском. Так что я стала «Машей», а через несколько недель даже «Машей нашей», с изменяемым притяжательным местоимением, которое ставится после существительного, чтобы подчеркнуть близость. Таким же образом члены организации не хотели, чтобы я их называла (выдумаем тут пример) «мисс Ивановна Янссенс», а представлялись мне, например, «бабушка Лена», «бабушка Таня» и т. д. Тот факт, что моя родная бабушка (которая не является бывшей остарбайтеркой) также живет в Антверпене, усилило наши отношения как отношения между «бабушками» и «внучкой».

Информация об организации иммигрантов

Бывшие остарбайтерки в Бельгии объединены в большую формализованную организацию («Союз советских патриотов», с 1953 г. — «Союз советских граждан») ⁶. Советская власть тщательно предупреждала появление голосов, противоречащих советскому официальному нарративу о военной памяти, и преуспела в этом внутри страны ⁷. Однако, бывшие остарбайтерки в Бельгии представляли дополнительную опасность. Конструирование их собственных нарративов о военной памяти было куда сложнее устранить, и во время путешествий в Советский Союз эти возможные контрнарративы

могли распространяться в советском обществе. Поэтому посольство СССР контролировало работу Союза советских патриотов, и его члены знали о необходимости быть лояльными, поскольку это могло повлиять на получение визы в советском посольстве. Лояльность членов союза сделала невозможной открытую критику навязывания официального советского нарратива о военной памяти.

Два примера: молчание во включенном наблюдении и в интервью• *Пример 1: «Ленин/Нинель»* ⁸

На собрании союза 19 февраля 2007 г. Венди (бывшая остарбайтерка, все имена вымышленные) угощала своих подруг пирогом в честь ее 86-летия. Пробуя вкусный вишнево-яблочный пирог и шоколадные пирожные, подруги поздравляли Венди. Например, Ленни спросила Венди, как она привыкает к пребыванию на пенсии, так как ей только недавно исполнилось 68 лет. Остальные захихикали и немедленно подхватили шутку. Келли пожаловалась, что у нее еще вся карьера впереди, так как ей только 28 лет. «Да, да, — ответила Венди, — ты всегда была ребенком». Ее комментарий вызвал взрыв эмоций, и они немедленно начали выяснять, кто из них ребенок, и кто является старшим среди них. Веселая беседа вспыхивала снова, и присутствующие говорили друг другу, на сколько лет они выглядят, а потом с восторгом выкрикивали: «мне 38!», «мне 48!», а потом пространно комментировали разницу между прикидками и реальностью. Но Бекки не принимала участия в веселье. Она сидела молча в углу стола, через какое-то время встала и вышла в ванную.

Келли, которая в тот день сидела рядом со мной, наклонилась ко мне и прошептала: «Снова то же самое! Она никогда не говорит, сколько ей лет. Однажды она сказала, что она 1926 г. рождения, но, может быть...» Растерянный взгляд Ленни с другого конца стола заставил Келли замолчать. Ее слова напомнили мне то, о чем в конце беседы мне рассказала другая остарбайтерка, которую я интервьюировала до того. Мы уже собирались заканчивать, когда присутствующая на интервью подруга Сенди сказала: «Ты не сказала ей [мне — М. В.], сколько тебе лет». «О, да, — ответила Сенди, — я родилась 24 марта 1926 года». Потом она немного помолчала и добавила: «Для бельгийцев». В действительности она родилась на год позже, но поскольку бельгийский закон после Второй мировой войны не разрешал женщинам младше 18 лет оставаться в стране, «кто-то» «помог» ей исправить даты рождения в ее документах ⁹. Возможно, то же самое случилось и с Бекки. Для «бельгийцев», очевидно, она говорила, что родилась в 1926 г., что подтверждалось ее бельгийскими документами. Среди ее друзей с подобным военным и эмигрантским опытом, однако, такую неточность трудно было оправдать, и она могла решить, что оставаться безмолвной — это лучшая стратегия.

Когда Ленни встала, чтобы взять второй кусок пирога, Келли решила, что есть повод посплетничать о ней. Келли явно была раздосадована взглядом Ленни: «Она не хочет, чтобы я говорила об этом, потому что у кое-кого [у Ленни. — М. В.] тоже есть свой пункт». «Она живет сейчас не со вторым, а с третьим мужем. Она была замужем до Германии и имела ребенка, но потом никогда ничего не слышала о них». Келли успела

высказать свой комментарий за те секунды, пока Ленни была за пределами слышимости. Когда Ленни вернулась, пирог снова стал главной темой разговора.

Сплетня не всегда содержит правду, и на самом деле даже редко содержит правду. Но, как утверждает Алессандро Портелли, даже «неправильные утверждения являются психологически истинными, и эта истина может быть такой же важной, как и фактически правдивые рассказы»²⁰. Сплетня выявляет, что реальность не является такой простой, как кажется на первый взгляд. В этом случае мы видим, как самая простая базовая информация о человеке, которую можно получить, то есть дата рождения и число детей, может отличаться в разных контекстах. Независимо от правдивости слов Келли, она дала мне знать о завесах тайны, которые покрывают прошлое по крайней мере двух членов ССГ.

Иногда я могла приоткрыть такую завесу не через сплетни, а через сопоставление материалов. Одна из представительниц ССГ, например, представилась мне как «бабушка Нелли», что для меня звучало странно среди женщин по имени Аня, Таня, Надя, Оля и, конечно, Маша. Нелли — это ни русское, ни украинское имя, но оно встречается в Бельгии. Читая бюллетень союза «Советский патриот», я наткнулась на «Нелли». При рождении ей было дано имя «Нинель», а не «Нелли»²¹. Нинель — это обратное прочтение слова «Ленин», и это было популярное имя для девочек в Советском Союзе несколько лет после смерти Ленина в 1924 г. В бюллетене организации, читаемом другими членами, Нинель была Нинелью. Однако, для меня Нинель хотела быть Нелли. Во время собраний, на которые я приходила, все знали, что Нинель зовут именно так, и никто не считал нужным объяснять мне их использование не-славянского имени, они молча принимали желание этой женщины называться «Нелли», поскольку все в моем присутствии обращались к ней как к Нелли. «Махтельд» звучало слишком по-фламандски и должно было быть заменено на «Машу», но «Нелли» должно было оставаться как есть. Возможно, с постоянным шлейфом Нинели было слишком неприятно жить среди бельгийцев.

19 февраля 2007 г. нас было 13, и базовая фактическая информация, которую я смогла собрать у трех человек (или больше), была по меньшей мере очень сомнительной. Упоминание этих фактических данных в таблице в конце моей диссертации могло бы означать безуспешное заполнение замалчиваемых воспоминаний. Целью моей работы, однако, было представить замалчиваемое как таковое и оставить его как есть²².

• Пример 2: коллаборационизм

Теперь я опишу сцену, которая иллюстрирует нарративную преграду, которую контролируемый советским посольством бюллетень пытался наложить на членов ССГ: с кем бывшие остарбайтерки приехали в Бельгию. Во время собрания членов союза 6 ноября 2006 г. его лидером были переданы поздравления от Кимберлей — представительницы союза, живущей в отдаленном месте, которая только лишь получала информацию о мероприятиях организации благодаря визитам ее руководителя. Привет от Кимберлей был воспринят не всеми членами, так как некоторые из них начали смотреть вниз на стол, обмениваться многозначительными взглядами или внезапно комментировать вкус чая. Я не знала, что происходит, пока Венди не произнесла эмоциональную речь для меня после того, как все ушли. Мой диктофон все еще был включен.

О Кенни [муж Кимберлей — М. В.] и Кимберлей [псевдонимы — М. В.]

Никто не должен нам говорить
Потому что здесь, в группе, я,
я и мой муж
часто слышали
что «очень черный» [«черный» — обозначение коллаборационизма — М. В.] они говорят
о Кенни
и это неправда!
неправда
мой муж знает Кенни с шести лет
они вместе ходили в школу
они вместе были вне школы
но Кенни пришлось уйти и работать с 14 лет
почему?
потому что мать была одна с тремя мальчиками
и его самый старший брат работал печатником на Черч Стрит
и Кенни должен был уйти и работать с 14 лет
а его брат сначала бросил его
на самую тяжелую работу
они просто были мальчиками на побегушках
и во время войны мой муж и Кенни работали на той же фабрике
оба в Германии на протяжении трех лет
или даже 4-х лет?
потому что мой муж до того на протяжении года был заключен во Франции²³

Венди взорвалась гневом против слухов, циркулирующих среди членов союза о деятельности Кенни, мужа Кимберлей, во время войны, о деятельности, которая, как считалось, не должна была открыто обсуждаться, как показывает поведение присутствующих (взгляд в стол, обмен многозначительными взглядами, пробование чая). Венди подумала, что я интерпретировала это умолчание как признание Кенни коллаборантом («черным»), и хотела изменить это мнение, которое, как она думала, у меня сложилось, и защищала Кенни («неправда», повторенное дважды). Муж Венди очень хорошо знал Кенни, они вместе учились в начальной школе («вместе» повторено дважды). Поскольку его мать была вдовой, сказала Венди, Кенни рано бросил учиться и должен был «идти и работать» (также дважды). Он присоединился к своему старшему брату, но тот «бросил его». Венди изображает Кенни пассивным; не он, а его семья решила, что он должен делать.

На протяжении войны, продолжает Венди, ее муж и Кенни снова долгое время были вместе. Она повторила слово «вместе», как бы говоря, что ее муж прекрасно знает, что Кенни делал в Германии. Но касательно точного периода времени она не была уверена («на протяжении трех лет или даже четырех лет?»). В любом случае, ее муж отправился в Германию после пленения во Франции («был заключен»). Важно внимательнее посмотреть на временные рамки рассказа Венди. Примерно три года, проведенные во Франции,

должны означать, что Кенни уехал в Германию после октября 1942 г., когда в Бельгии была введена мобилизация. Это значит, что бельгийцев заставляли ехать на работу в Германию. Итак, Кенни наверняка был трудообязанным, а не добровольным рабочим. В этом случае инсинуации о коллаборационизме тех людей, которые не были в Германии долго, выглядят скорее странно. Однако, позднее Венди упоминает, что это могло быть также и 4 года. Бельгийцы, которые отправились на работу в Германию до октября 1942 г., после войны считались добровольцами, если они не могли предъявить доказательства принудительного рабства¹⁴. Венди защищает своего собственного мужа, доказывая, что до отправки в Германию он был не добровольным рабочим, а военнопленным во Франции¹⁵. Но Кенни мог быть [добровольцем], непрямо отметила она. Однако, если это было так, это не был его выбор. Он был очень (и здесь ее описание превращается в аргументацию) молод, беден и следовал решениям, которые принимали другие члены его семьи. Эти аргументы соотносятся с тем, как добровольных рабочих изображали во Фландрии в послевоенные годы; многие из них добровольно подписались за выезд, так как они были голодны и не очень хорошо разбирались, и так как были молоды¹⁶. Поэтому Венди, похоже, хотела сказать, что другие члены ССГ не должны осуждать Кенни как коллаборациониста. Поскольку я не смогла найти дело Кенни в Бельгийском архиве жертв войны, я не могу сказать, сотрудничал ли он с нацистами или нет.

Для цели этого исследования такой вопрос является менее интересным, чем тот способ придания значения военному опыту Кенни (или тому, что они приписывают этому опыту). Как показывает поведение некоторых членов, этот опыт стал важным фактором социального разъединения членов группы. Они смогли найти нечто общее, так как у них общий военный опыт, но у их мужей этот опыт различен. Большинство мужей остарбайтерок были добровольными рабочими. И включенное наблюдение учит нас, что их военный опыт не был публично признан. Члены ССГ связывают его с коллаборационизмом — словом, табуированным в официальном советском нарративе о военной памяти. В бюллетене ССГ мужья вообще отсутствовали. У читателя бюллетеня создается впечатление, как будто бы представительницы ССГ не были замужем вообще.

Заклучение

Сочетание анализа интервью и включенного наблюдения позволило вывести на поверхность общий, но замалчиваемый военный опыт, который тем не менее был центральным для групповых собраний бывших остарбайтерок в Бельгии.

Перевод с английского *Ирины Склокиной*

¹ *Fürst J.* A final reply//Europe-Asia Studies. Vol. 56. № 2. P. 314; *Kuromiya H.* Re-examining Opposition under Stalin: Further Thoughts//Europe-Asia Studies. 2004. № 2. Pp. 309–314.

² *Venken M.* Polish Liberators and Ostarbeiterinnen in Belgium During the Cold War: Mixed Marriages and the Differences for Immigrant Men and Women//Gender, Migration and the Public Sphere/Ed. by M. Schrover and E. Yeo. London, 2010. Pp. 54–75.

³ *Schönfeld M.* Von der Abwesenheit der Opfer zu einer später Erinnerung. Denkmale für Zwangsarbeiterinnen und Zwangsarbeiter in Berlin//Zwangsarbeit in Berlin 1938–1945/Ed. by H. Bräutigam, D. Fürstenberg, and B. Roder. Berlin, 2003. Pp. 281–308.

⁴ *Welzer H., Lenz C.* Opa in Europa. Erste Befunde einer Vergleichenden Tradierungsforschung //Der Krieg der Erinnerung. Holocaust, Kollaboration und Widerstand im europäischen Gedächtnis/Ed. by H. Welzer. Frankfurt am Main, 2007.

⁵ *Ballinger P.* History in Exile. Memory and Identity at the borders of the Balkans. Princeton and Oxford, 2002; *Meire J.* De stilte van de Salient. De herinnering aan de Eerste Wereldoorlog rond Ieper. Tielt, 2003; *Smith A. L.* Colonial memory and postcolonial Europe. Maltese settlers in Algeria and France. Bloomington, 2006.

⁶ *Belgian Monitor.* 20.1.1945 annex 90; 9.3.1946, № 592; 31.10.1953, № 2856; 17.1.1963, № 275.

⁷ *Tumarkin N.* The Living & The Dead. The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York, 1994; *Merridale C.* Ivan's War, the Red Army 1939–1945. London, 2005.

⁸ Основан на заметках, сделанных мною в поезде из Антверпена в Лювен сразу же после включенного наблюдения за собранием 19.02.2007.

⁹ P 41: Интервью с Сэнди 14.02.2006, заметки.

¹⁰ *Portelli A.* What Makes Oral History Different?//The Oral History Reader/Ed. by R. Perks and A. Thomson. London, 1998. P. 68.

¹¹ *Советский патриот. Орган Центрального правления Союза советских граждан в Бельгии.* Le Patriote Soviétique. Revue Bimensuelle de l'Union des citoyens soviétiques en Belgique. 26/516 (1971. № 4). С. 21–22.

¹² *Hirsch M.* Family Frames: Photography, Narrative, and Postmemory. Cambridge, Mass., London, 1997. P. 244.

¹³ P 25: Интервью с Венди 6.11.2006 (79:101).

¹⁴ Бельгийская федеральная правительственная служба безопасности, Архивное отделение — «Общие военные жертвы» (личные дела).

¹⁵ *Lagrou P.* The Legacy of Nazi Occupation. Patriotic Memory and National Recovery in Western Europe, 1945–1965. Cambridge, 2000. P. 5.

¹⁶ P 24: Интервью с Келли 7.02.2007 (258:288); P 30: Интервью с Аmandой 18.07.2006 (460:467).

Machteld VENKEN

PARTICIPANT OBSERVATION AND/OR INTERVIEWS?
GATHERING COLLECTIVE AND/OR PERSONAL MEMORIES?
A CASE-STUDY FROM BELGIUM

Ostarbeiterinnen were Soviet young women of Ukrainian, Russian or Belarusian decent, who, after the German invasion of the Soviet Union on 22 June 1941, were deported to Nazi Germany to do forced labour. While at work, the young women met Western European deported workers, volunteers and prisoners of war. Although off duty any contact between them was prohibited, numerous love affairs flourished and after

the liberation, about 4,000 of them chose to migrate further to Belgium, were wed and settled in their husbands' home towns or villages. Because of the difficulty of their war experiences, many of them in their post war life kept silent. However, these experiences came to the surface by means of gestures and slips of the tongue.

The contribution shows how I gathered and analysed narratives on war memory of former Ostarbeiterinnen in Belgium for my PhD dissertation. Its aim is to portray whether the method I followed can contribute to other research on Ostarbeiterinnen. I used an ethnographical fieldwork approach. Inductive fieldwork, among others, allows to do interviews as well as to do participant observation during gatherings. The combination of both approaches enables to highlight which war experiences are more easily verbally or non-verbally presented in group, and which ones are more easily, verbally or non-verbally, touched upon during individual interviews. One of the results I will present, for instance, goes into a shared but silenced war experience which nevertheless stood central during group gatherings of former Ostarbeiterinnen in Belgium.

This research question is interesting for many reasons. First, research on Ostarbeiterinnen up till now concentrated on the former Soviet Union, not on Ostarbeiterinnen who migrated to third countries, such as to Belgium. Second, former research focused on interviews with individuals, as the former Ostarbeiterinnen in the Soviet Union were not allowed to gather. In Belgium, however, formal immigrant organisations of Ostarbeiterinnen existed. Third, the analysis of former researchers mainly focused on what people said, not on what they did not say.

Виктория КУДЕЛЯ-СВЕНТЕК

**У КАЖДОГО СВОЙ КАЗАХСТАН...
По материалам проекта «Z ziemi kazachskiej do Polski»,
посвященного коллективной памяти репатриантов
из Казахстана в Польшу**

Если помнить выгодно, никто забыт не будет

Б. Дизраэли

Воспоминания казахстанских поляков — источник невообразимо любопытный для современной польской гуманитаристики, и не только. В советское время память этой группы значительным образом отличалась от официального дискурса. Но гораздо любопытнее тот факт, что современным польским обществом ей отведена аналогичная роль. Такое положение вещей связано с отличием национального самосознания этнических поляков от исконно польского, неготовностью современного польского общества к сопоставлению своего исторического опыта с опытом новых соотечественников и взаимным нежеланием выработать гармоничные общественные взаимоотношения между ними.

Задача данной статьи — представить проблему социальной адаптации репатриантов из Казахстана посредством пояснения отличий коллективной памяти обеих групп в контексте авторского устноисторического исследования, проведенного в 2006–2008 гг.

Для начала следует напомнить, каким образом в прошлом веке сформировалась польская диаспора Казахстана. Известно, что в 1930-е и 1940-е гг. советским правительством был произведен ряд депортаций представителей польской национальности с территории современной Украины. На сегодняшний день историческая наука условно делит поляков-спецпоселенцев на две категории. К первой относятся поляки, населявшие в 1936 г. приграничные районы УССР. Ко второй — так называемые «бывшие польские граждане», сосланные во время Второй мировой войны с территории сегодняшних Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областей. Представители последней группы, будучи до войны польскими подданными, получили возможность вернуться на родину в послевоенный период или же во время «оттепели»¹. Именно их опыт депортации был неоднократно и достаточно глубоко осмыслен польской научной